

100%.doc

Роман Свечников

**Рома едет. Вокруг света
без гроша в кармане**

«Corpus (АСТ)»

2015

УДК 821.161.3-4
ББК 84(4Бел)-44

Свечников Р.

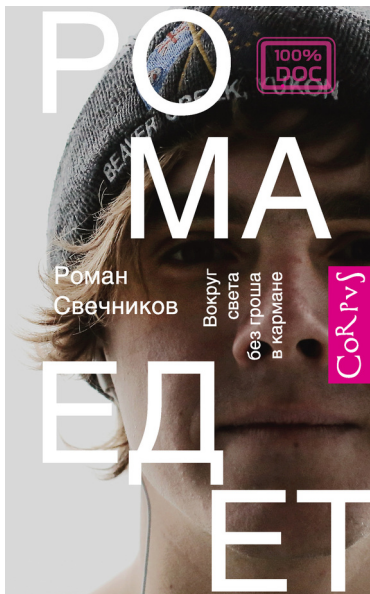
100%.doc / Р. Свечников — «Corpus (АСТ)»,
2015 — (100%.doc)

ISBN 978-5-17-096014-9

УДК 821.161.3-4
ББК 84(4Бел)-44

ISBN 978-5-17-096014-9

© Свечников Р., 2015
© Corpus (АСТ), 2015

Роман Свечников
Рома едет. Вокруг света без гроша в кармане
Серия «100%.doc»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18403276

Роман Свечников. Рома едет. Вокруг света без гроша в кармане: АСТ. CORPUS; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-096014-9

Аннотация

“Рома едет” – рассказ о кругосветном путешествии, в которое отправился двадцатилетний Роман Свечников. Пешком или автостопом, на лодке или на мотоцикле, по горным перевалам Грузии, по степям Монголии, по рекам Лаоса. В кармане часто не было практически ни гроша. Ночевал то в палатке, то у случайных или дальних знакомых, то в самых дешевых гостиницах. Рома фотографировал, запоминал, записывал. И за время поездки понял многое о себе, о мире и о том, что же такое свобода.

Содержание

Книга первая	7
Глава 1	7
Побег	8
Заботливый сержант	8
Дети Беслана	9
Сигареты и татуировки	11
Лучший город на побережье	12
Глава 2	15
Горячие времена	16
Живущие в стенах	17
Особый инстинкт	19
Следы войны	20
Глава 3	23
Святая ненависть	24
Наказание плетью	25
Банды “крикунов”	27
Секретная полиция	29
Моя копия	30
Глава 4	32
Иранская банда	33
Следуя Корану	33
Чай и марихуана	35
Ниже нуля	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Роман Свечников

Рома едет. Вокруг света без гроша в кармане

Издательство выражает благодарность интернет-журналу *34^{mag}* за содействие в приобретении прав

Карты маршрутов, фотографии (кроме отмеченных особо) Роман Свечников

© Р. Свечнікаў, 2015

© Б. Николайчик, перевод на русский язык, 2016

© ООО “Издательство АСТ”, 2016 Издательство CORPUS ®

Книга первая

Глава 1 Рома в Грузии

Побег

Меня зовут Рома. Мне двадцать лет. Я студент третьего курса Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, девиз которого – “Знание и стиль жизни!”. Когда я вырасту, стану программистом.

Мой путь в университет пролегает параллельно трассе, по которой несется поток машин из города. Я дайвер – погружаюсь на двадцать метров в глубины метро на одном дыхании. Здесь меня каждый раз встречают как террориста и проверяют мой рюкзак. А еще этот вечно жизнерадостный голос разума из динамиков: “Уважаемые пассажиры, будьте бдительны...” Почти как у старины Оруэлла.

На шестом этаже пятого корпуса университета располагается кафедра искусственного интеллекта. Затхлый воздух в коридоре можно резать ножом, от запаха сводит шею. Следующие шесть часов меня будут заворачивать в пыльный советский ковер. Моя бабушка сказала, что будет жить, пока ее внук учится.

Так вот, это побег!

У меня в кармане двести долларов. Мой рюкзак весит двадцать три килограмма. В комплекте – легкая палатка, спальник, коврик, маленькая газовая горелка, литровый котелок, нож, фонарик, шмотки и другие походные ништяки. Все рассчитано на полную автономию в течение недели, а то и дольше. Я сделал прививку от лихорадки, страховку на полгода и иранскую визу. Мой телефон держит батарею около месяца, камера – полторы недели, ноут – восемь часов. Все застраховано от внезапных наводнений гермомешками.

Я выхожу из дома рано утром 1 июля 2012 года. Действую холодно и решительно, будто беру интеграл. За последние полгода я сотни раз представлял себе этот момент. Я знаю точное время, когда придет 112-й автобус – на нем я доберусь до трассы. Я знаю точное место на М1, где встану с вытянутой рукой.

Эти полгода я планомерно рвал цепь, которой был прикован к будке. Последний рывок – и звенья сломаны. Я жадно глотаю воздух и трачу все накопленные силы на то, чтобы убежать подальше от будки, миски и хозяина. Я отправляюсь в кругосветное путешествие!

Заботливый сержант

Я просыпаюсь на грязной обочине трассы на Владикавказ. Начинается четвертый день моего странствия. Всю ночь ужасно грохотали машины на дороге и лил дождь. Поспать почти не удалось, и я неохотно выбираюсь из палатки. Земля вокруг – трясина, в которую сразу же проваливаешься по колено. Я собираю палатку и шлепаю по жиже на ближайшую заправку, чтобы навести утренний марафет. Мне везет – на заправке есть халявный *wi-fi* и вода из пожарного брандспойта.

На трассе возле дорожной развязки меня останавливает широкий, как дверной проем, и седой, как сумерки, армянин. Он обедает, разложив еду на багажнике своей “Волги”. Мы знакомимся, мужик угощает меня и предлагает подвезти.

“Волга” в таком состоянии, будто на ней всю жизнь ездили исключительно по минным полям. Дворники застыли в вертикальном положении и делят лобовое стекло на три равные части. В салоне машины горы какого-то хлама, прямо на полу валяется мусор, приборная панель залеплена иконами, между передними сиденьями торчит газета интимного содержания. Водила, представившийся Мишей, на ходу разворачивает хрустящие страницы и начинает рассматривать канонические фотографии совокуплений:

– Посмотри, все, что хочешь! Все что угодно!

Мише за пятьдесят. У него явные проблемы с весом, он небрит и нетрезв. В данный момент больше всего на свете его интересует мой сексуальный опыт. Я стараюсь направить разговор в другое русло, но водила навязчиво клюет в очко этой неудобной темы:

– Когда я служил в армии, у меня сержант был. Я тогда еще по-русски плохо разговаривал. Строгий был сержант, всех гонял. Но меня почему-то не трогал. И вот как-то неожиданно меня отправляют в наряд – я тогда технику охранял. Спрашиваю сержанта, как же мне в наряд-то идти, если я не поужинал даже? Он говорит: “Не волнуйся, я сам тебе все принесу”. Привезли меня в сторожку, а скоро и сержант подъехал, покушать привез. Я сижу, ем, а он примостился рядышком и начинает меня по коленке гладить. Ну, я ничего не говорю – сержант все-таки. А он мне ширинку расстегивает и начинает того... Но мне приятно, и я молча кушаю. И вот он спрашивает: “Ты можешь меня трахнуть?” – “Без проблем”, – отвечаю. И трахнул сержанта.

– Не, Миша, я не того.

Делаю вид, что заинтересовался пейзажем. Но водила не унимается:

– Короче, я хотел тебе предложить. Но ты вот говоришь, что “не того”. Если вдруг передумаешь, дай знать. Природа здесь красивая – остановимся, у меня и презерватив есть. Ну и, конечно, вознаграждение будет – не просто ж так.

– Миша, я же сказал: нет!

Через минуту обиженный водила высаживает меня под жуткий ливень. К слову, со мной такое впервые.

Оставшиеся полдня я кое-как добираюсь до объездной Нальчика. По обеим сторонам дороги застыли высокие холмы. Встаю на вершину ближайшего из них. По дороге спускаю зайца, сам чуть не накладываю в штаны. Ставлю палатку. Готовить ужин просто нет сил – я сразу же отрубаясь.

Дети Беслана

Будильник звенит в восемь. Я быстро сворачиваю лагерь. По дороге вниз встречаю пару старых деревьев с дикими грушами. Внизу, у подножия горы, петляет дорога. Я стою на холме, грызу сочные плоды и смотрю вдаль на первые зубцы Большого Кавказского хребта. Вот он я – Юра Гагарин перед открытым космосом!

Первая же машина везет меня во Владикавказ. Водитель Сергей рассказывает, что еще со времен Союза этот город был под завязку набит студентами. Сейчас в нем с десяток университетов, при том что население города – всего около трехсот тысяч человек.

Сергей продолжает что-то рассказывать, а тем временем у меня падает челюсть – мы въезжаем в Беслан. Я знал, что он в Северной Осетии, но не ожидал, что встречу его на пути:

– Скажите, а где та школа, в которой произошла трагедия?

– Она там, в городе. Мы сейчас будем проезжать мемориал, это недалеко от дороги. Если хотите, могу вам показать.

– Да, я хотел бы посмотреть.

– У моего хорошего друга дочь там была. Бог смилостивился, живая, без царапины вышла. Но потом еще два года в больнице лежала, разговаривать не могла, так сильно испугалась. Мы все там были. Все спасали детей.

Я не могу подобрать слов. Мы выходим из машины – передо мной могилы нескольких сотен детей. Для меня Беслан – репортаж по телевизору. Я не знаю, как это принять или осознать. Это в меня не помещается. Я ничего не знаю о войне и только чувствую уважение к тем, кто прошел ее и остался человеком. Жаль, что я не могу задержаться здесь на несколько дней, чтобы попытаться разобраться во всем этом.

Мы едем дальше. Добираемся до Владика и проезжаем его насквозь. Оказывается, во Владикавказе собирают фары и прочую электронику для белорусских тракторов. Родина – она везде!

До Грузии остается буквально пара сотен километров. До границы меня подвозят две пожилые женщины:

– Мы просто путешествуем. Сейчас вот едем к погранпереходу, а потом вернемся назад – у нас нет заграничных паспортов.

Мы приближаемся к границе. Накрапывает мелкий дождик. Между Грузией и Россией нет пеших пограничных переходов, поэтому я вынужден искать машину, чтобы пересечь границу. Мне почему-то всегда везет в этом деле, и я вписываюсь в первую же тачку к русской семье из Смоленска. В салоне мне сразу же вручают целый пакет еды.

Мы едем в Тбилиси, а точнее, пока карабкаемся со скоростью около тридцати километров в час по старой военной дороге на перевал высотой в две тысячи восемьсот метров. Водителя снова зовут Сергеем, и он то и дело останавливает машину, чтобы пофотографировать.

Вокруг бедные деревни и стада овец – никаких магазинов и торговцев сувенирами. От высоты у меня закладывает уши. Здесь все такое родное, что хочется выскочить из машины и убежать в горы.

Ночью мы въезжаем в Тбилиси. С первых секунд я понимаю, что мне здесь понравится. На прощание Сергей снова одаривает меня едой и водой, так что в следующие пару дней никаких денежных трат не предвидится.

Мы прощаемся, и я иду к ближайшей лавочке в парке. Чекаю *wi-fi* и тут же нахожу несколько фри-точек. Кажется, сеть с названием *Tbilisi loves you* – это как раз то, что нужно. Исследую ближайший фонтан на предмет мелочи – неудача. Позже я узнаю, что в Грузии вообще не принято бросать монеты в фонтаны.

Раскидываю по каучсерфингу запросы на вписку на ближайшие дни. Понимаю, что шанс получить ответ сразу крайне мал, поэтому отправляюсь на прогулку по ночному Тбилиси. В пешеходном переходе встречаю двух азиатов – парня и девушку:

– *Hey! Do you speak English?*¹

– *Yes, sure.*²

– *Or maybe Russian?*³

– Ах-ха, да-да, мы говорим по-русски.

– Откуда вы, ребята?

– Мы из Казахстана, из Алма-Аты.

– О, я был в Алма-Ате в прошлом году, когда гонял стопом в Китай.

– Ого, да ты каучсерфер?

– Типа того, но каучем я мало пользуюсь. Вы не знаете, где я могу сегодня заночевать?

– Э-э-э, нет. Ничего в голову не приходит. Но ты можешь пойти к нам.

– Хорошо, пойдем к вам!

Ребят зовут Виталик и Асель. Они работают в какой-то британской компании в Алма-Ате, поэтому прекрасно владеют английским. Говорят, что в Грузии их все зовут “*Made in China*”. Виталик и Асель путешествуют в основном на самолетах и долго смеются, узнав, что я никогда в жизни не отрывался от земли выше, чем на пять метров. Виталик не понимает, за что грузины называют русских оккупантами:

¹ Привет! Вы говорите по-русски? (англ.)

² Да, конечно. (англ.)

³ А по-русски? (англ.)

– Да если бы не русские, их бы турки с персами на хер всех повыврезали! Что они могут здесь? На севере – горы, на юге – мусульманский рай. Вон армян всех перемочили и грузин бы всех перемочили. А теперь они обижаются...

Ребята снимают квартиру в центре Тбилиси. Мне выделяют кровать в отдельной комнате и дают пакет персиков.

Сигареты и татуировки

Утром я отправляюсь на привычное место у фонтана, чтобы посидеть в интернете. Пока я проверяю почту, ко мне подсаживается местный мужичок:

– *Hello, where are you from?*⁴

– *Hi! I'm from Belarus.*⁵

– О-о-о, так вы говорите по-русски?!

– Да-да, конечно.

– А я смотрю, что у вас такой же компьютер, как у меня, – он достает из своей протертой сумки точную копию моей малютки.

– Действительно. У нас много общего!

– Ах-ха-ха! Это вы шутите! Ах-ха-ха!

Так я знакомлюсь с крутым перцем Зазой. Ему пятьдесят лет. Он беженец из Осетии. Говорит на пяти языках и учит еще два. Заза обходит собак за две улицы, спит только при включенном свете и не выносит мух. О Беларуси у него хорошие воспоминания:

– Вы знаете, когда мне было двадцать четыре, я познакомился с одной девушкой в Гомеле. Мы подружились, но вскоре мне нужно было уезжать. Она призналась, что беременна. Не знаю, правду она говорила или нет. Возможно, у меня в Беларуси есть сын. Я постоянно об этом думаю. Я пытался ее разыскать, но ничего не вышло. Вот бы найти ее когда-нибудь. Правда, у меня нет ее адреса, только имя.

Если на глаза Зазе попадаете какое-нибудь отреставрированное здание, он начинает страшно ругаться на всю улицу, размахивать руками и спрашивать у прохожих:

– Ты видишь, что делают? Вообще уже охренели, что ли?

Заза приглашает меня в чайхану, которая находится рядом с серными банями:

– Я беженец, мне государство дает льготы и пенсию. Вот раньше у меня бизнес был, я бутылки собирал, а теперь я устроился на работу гидом по Тбилиси. Но мне не нравится – они заставляют все наизусть учить. Зачем наизусть?

Заза френдит меня на Фейсбуке и говорит, что в прошлом году познакомился с одним журналистом и организовал ему встречу с бывшим президентом Грузии – Шеварднадзе. На прощание он дарит мне несколько лари и растворяется в городском пейзаже.

Я решаю, что кэш нужно срочно спустить, и отправляюсь в грузинский ресторан за десятком хинкали. Вспоминаю, что я тоже в какой-то степени журналист и должен все фотографировать. Кладу фотоаппарат рядом с собой, чтобы снять свой обед, но в следующий раз вспоминаю о нем, когда уже доедаю последнюю хинкалину.

Получаю эсэмэску от ребят, у которых остановился. Пишут, что не смогут сегодня вернуться в Тбилиси. Мой рюкзак лежит у них дома, а с собой у меня только ноут и фотокамера.

Делать нечего, я отправляюсь в ближайший бар, чтобы найти человека, который смог бы меня приютить. Этим человеком оказывается Бая, девочка двадцати лет, невысокого роста. Я отрываю ее от чтения книжки. Через три минуты знакомства она приглашает меня к себе. По дороге мы забегаем в “Мак” за картошкой фри:

⁴ Привет, ты откуда? (англ.)

⁵ Привет! Я из Белоруссии. (англ.)

– Я живу в квартире с сестрой и ее подругой.

– Ты снимаешь жилье? Сколько это стоит?

– Я снимаю его бесплатно. Есть такая схема – мой отец одолжил хозяину квартиры десять тысяч лари, и за это я живу в его квартире бесплатно.

Первое, на что натывается мой взгляд, когда я захожу в Баину квартиру, – это огромная полка с книгами. Их действительно много и почти все на грузинском языке. Кухня по размерам точно такая же, как в родительской хрущевке в Минске. Я сажусь на пол, Бая закуривает. Я стараюсь понять, кто она, задаю много вопросов, но девчонка ловко уворачивается. Бая курит с тринадцати лет, учится программированию, не любит готовить и мечтает уехать в Индию – вот и все, что мне удастся узнать. Через несколько дней она улетает в Германию. Мы ложимся спать.

Когда я просыпаюсь, на столе уже дымится горячий омлет. Бая все так же курит за книгой. Она очень много курит. Я завтракаю и говорю, что должен ехать дальше. Мы прощаемся.

Я возвращаюсь к ней через два дня без всякого предупреждения. Я рад ее видеть. Она варит крепкий кофе, не выпуская из рук сигарету. Рядом с ней я теряюсь. Она такая естественная со своими сигаретами и татуировками – и то и другое я привык считать глупым, вредным и запретным. Все школьные годы я был хорошим мальчиком в злом районе города. Я не курил и не пил, потому что все пили и курили. Я считал себя победителем, который знает, как правильно жить. Поэтому в другой ситуации я попросил бы ее затушить сигарету. Но что-то пошло не так, и мы целуемся, лежа на полу.

Лучший город на побережье

Вечером наконец приезжает Женя, мой напарник, с которым еще в Минске мы договорились вместе проехать часть задуманной мной кругосветки. Жене девятнадцать. Кроме туристического оборудования у него с собой две флейты и бело-красно-белый флаг. Он любит вести себя как зануда, за что обычно получает пенделя. До этого момента с ним не было никакой связи, и я уже начал волноваться.

Тбилиси становится моим четвертым любимым городом, после Берлина, Львова и Шанхая. Но дорога зовет, и мы решаем рвать в горы, в национальный парк Тушети. Первая попытка проваливается – ночью на выезде из города нас подбирает Сандро, мужик лет сорока, который едет черт знает куда, но обещает, что там будет в сто раз красивее, чем в Тушети. Прямо на ходу он разливает по стаканам чачу и начинает громко пить, не переставая крутить баранку. Мы несемся почти в полной темноте по серпантину прямо к границе с Чечней. Я впервые в жизни пьян. В три часа ночи мы приезжаем в какое-то непонятное темное место. Сандро селит нас в бараке с рабочими, которые строят ГЭС на реке.

Утром Сандро показывает нам дорогу к водопаду в горах. Одолев за час двухкилометровый подъем вверх по ущелью, мы добираемся до первых каскадов. Я ставлю штатив на берегу, чтобы снять бурлящую реку. Через секунду поток резко усиливается, и мои ноги моментально уходят под воду. Течение очень мощное, и я едва удерживаю себя и камеру. Страшно и смешно становится только через пару минут. На самом деле у меня были все шансы стать кормом для черноморских крабов.

Предпринимаем вторую попытку попасть в Тушети, но вместо этого очередной водитель убеждает нас ехать с ним в парк Лагодехи. Там, возле инфоцентра знакомимся с двумя девушками из Польши, которые тоже путешествуют автостопом по Грузии. Мы легко общаемся на смеси английского, польского и белорусского. Юля и Клавдия предлагают нам вместе двинуться по маршруту в горы. Долго не рассуждая, предпринимаем попытку подняться на высоту в три тысячи метров, но сбиваемся с пути и возвращаемся в лагерь у подножья.

Женя сильно обжигается в горах борщевиком, но мы не сразу понимаем, что это за волдыри у него на ногах, и решаем, что Женя скоро умрет.

До моря час езды, и мы рвем дружным составом в Батуми. По дороге девочки натываются на грузинское гостеприимство и закупают на день в Сигнахи. А мы с Женей несемся дальше к морю – сначала на полицейской тачке и сразу после нее на машине молодого парня, который работает в министерстве и занимается интеграцией Грузии в Европу. Это первый и единственный человек в Грузии, который признается мне, что ему нравится Саакашвили.

В два часа ночи парень высаживает нас под Батуми. Женя готовится впервые в жизни увидеть море. Через какое-то время мы сидим на теплом берегу и смеемся. Слов нет. Мы просто счастливы. Местный мужик советует нам место для палатки и дарит пакет с фруктами и сыром. Здесь это в порядке вещей – дарить еду. Нас постоянно угощают чем-нибудь вкусным и приглашают на ночлег.

На следующий день мы встречаемся в Батуми с нашими загулявшими подругами Юлей и Клавдией. Для меня Батуми – лучший город на побережье Черного моря. Все вокруг пахнет добротой и гостеприимством. Несмотря на то что город курортный, здесь не возникает чувства, будто кто-то пытается тебя нагреть.

Вечером на пляже мы с полками организуем дегустацию грузинского вина. А после пьяных танцев под музыку с соседней танцплощадки разбредаемся по городу искать место для ночлега. Мы с Женей суемся в каждый двор, ищем место под палатку. Наконец, после изнуряющих поисков, устанавливаем свой тканевый дом в тени инжирного дерева.

Это место станет нашим домом на следующие три дня. Каждое утро кто-нибудь из жителей соседних домов будет щедро угощать нас местной едой. Мы будем целыми днями отвисать на побережье и слушать музыку на джаз-фестивале. В центральном парке я познакомлюсь с крутыми иранцами – Соху и Самое. Парень и девушка путешествуют вокруг света на велосипедах и заезжают по дороге во все детские дома. Новые знакомые пригласят меня поехать с ними в деревню неподалеку от Батуми. Женя останется в городе. Следующие несколько недель мы будем путешествовать порознь.

Тридцать лет назад на месте этого детского дома была психушка. Внутри – обшарпанные стены и больные дети, самому старшему из них едва исполнилось шесть лет. Когда Соху и Самое разыгрывают для малышей спектакль про дальние путешествия, я слово за словом перевожу для воспитателей эту историю на русский язык, а те старательно рассказывают ее деткам уже на грузинском. После мы ставим свои палатки, выдаем малышам фонарики, катаем их на велосипедах и вместе рисуем фломастерами на наших туристических ковриках – мы все наслаждаемся большим путешествием по маленькой лесной поляне.

Соху и Самое рассказывают, что в Турции им запретили посещать детские дома после того, как один американец скрытой камерой снял фильм про таких детишек и выложил его в интернет.

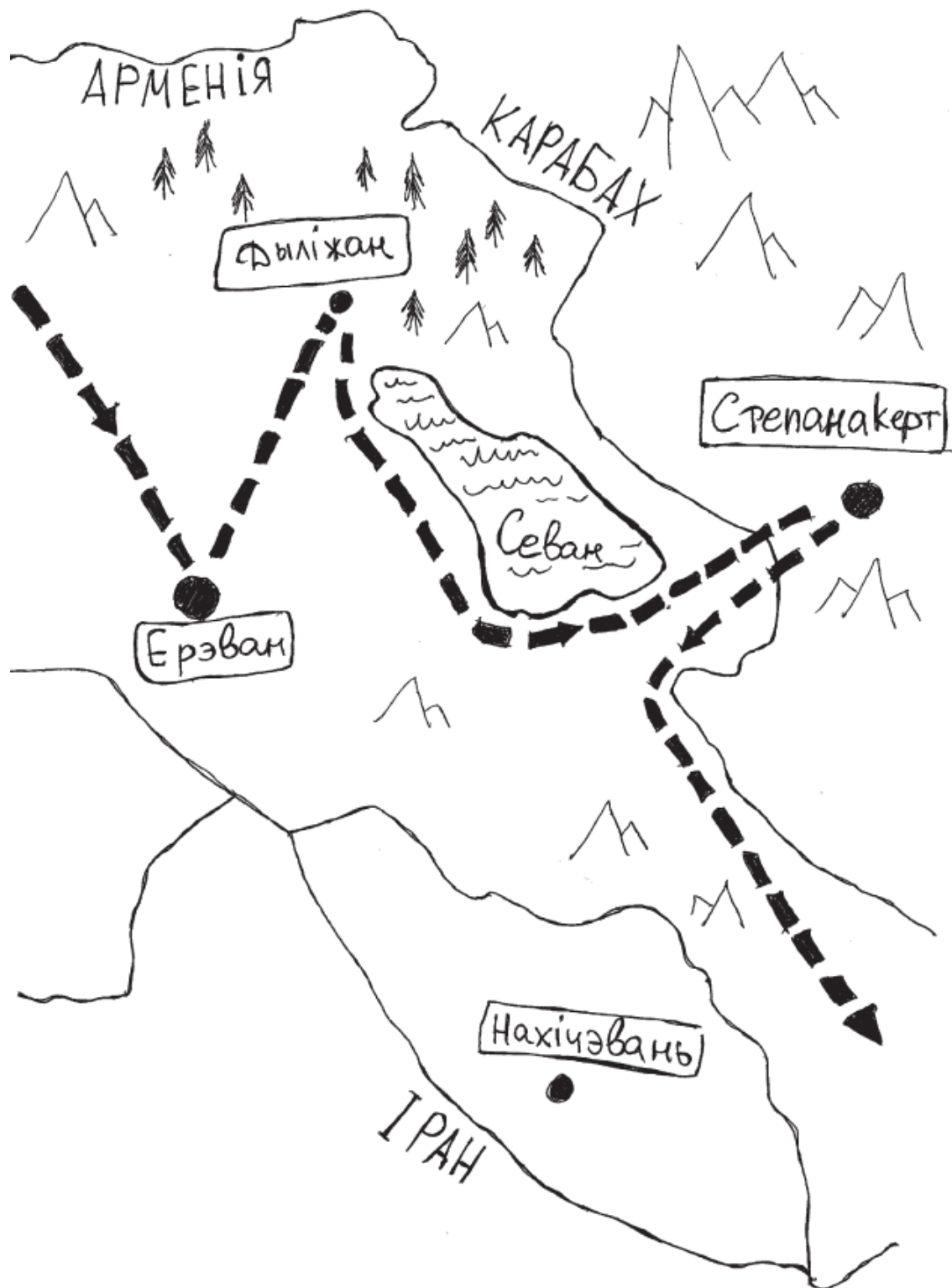
Мы возвращаемся в Батуми поздно ночью. Дней пять назад я познакомился в местном порту с француженкой, которая путешествует по морю на своей небольшой парусной лодке. И вот теперь, гуляя по набережной, я замечаю мачту с французским флагом. Так решается вопрос с ночевкой и едой.

За неделю до отъезда в кругосветку я встретился с редактором белорусского онлайн-журнала *34^{mag}* и предложил писать заметки о том, что будет происходить со мной в дороге. На лавочке во дворике по улице Карла Маркса мы несколько часов непринужденно трепались о возможном формате будущих материалов. Уже тогда я понимал, что в дороге меня обязательно накроют приступы рефлексии и работа над заметками будет лучшим способом осмыслить переживания.

Эти строки я пишу, сидя под парусами на настоящей палубе в солнечном море. Первая глава почти закончена – я допишу абзац и отправлю материал в редакцию. Слева от меня

гоняют наперегонки дельфины, а я неспешно потягиваю “Тархун” грузинского разлива. Помоему, самое время броситься за борт в объятия Посейдона.

Глава 2 Рома в Армении

Горячие времена

На заре выбираюсь на трассу. Опять целый день ехать и есть – из машины в машину, от хачапури к шашлыку. К вечеру мой рюкзак распирает от подарков добрых водителей – помимо съестного в нем можно найти, скажем, гигантскую пачку влажных салфеток или упаковку зубных щеток. Последняя машина довозит меня до одинокой заправки посреди гор. Я давно привык к тому, что лишь приблизительно представляю свое местоположение. Вот и сейчас, среди склонов, поросших редкой растительностью, я не могу прикинуть расстояние до армянской границы. Беглого взгляда на звезды хватает, чтобы определить стороны света. Мне на юг.

У одинокой бензоколонки меня приветствует кассир Гриша, мужик лет пятидесяти. Судя по всему, он всемогущий властелин этих диких мест. После короткого разговора Гриша оставляет мне ключи от сторожки, а сам уходит ночевать домой, в деревню за холмами. Я запираюсь изнутри и засыпаю на уютном топчане под завывание старой собаки, живущей рядом в конуре.

Ровно в десять утра Гриша стучится в дверь. Вчера его почему-то очень соблазнила моя перемотанная изолентой камера, он долго расспрашивал меня, сколько может стоить такой потрепанный аппарат. Чтобы умерить нездоровый интерес к единственной дорогой вещи в моем рюкзаке, я сочинил для мужика трогательную историю о том, как разбил свой *Nikon* и как мне теперь приходится туго, потому что камера отказывается фотографировать. На самом деле я специально обмотал объектив яркой изолентой, чтобы фотоаппарат выглядел подешевле. Кто ж знал, что Гриша вздумает выручить меня? Он пришел с деньгами, чтобы выкупить сломанную вещь. Мужчина протягивает мне пятьдесят баксов, но я вежливо отказываюсь.

Никаких проблем с пересечением границы не возникает – грузинские пограничники как всегда показывают высокий уровень обслуживания. Про армянских могу только сказать, что над пограничным переходом у них висит рваный флаг.

Дорога на Ереван пролегает через самые горячие районы Армении. В прямом смысле этих слов. Растительности здесь мало, горы скудно покрыты выжженной травой. Температура за сорок градусов.

В самый разгар дня добираюсь до окраин Еревана. В карманах – ни копейки. Спрашиваю местных, как пройти к центру, и все советуют воспользоваться 98-й маршруткой. Объясняю, что хочу добраться пешком.

– Какой там пешком?! Это далеко! На маршрутку садись.

– У меня нет денег на маршрутку.

– Как это нет денег? Ты же интурист!

Я устало плетусь по бесконечному пригороду Еревана. Здесь грязно и ужасно жарко. Все дома одноэтажные, одинакового серо-желтого цвета. Хочется пить. Жестом меня подзывает мужик из окошка в магазине. Я прошу воды и рассказываю ему свою историю. Промолчав, молча набивает мой рюкзак продуктами.

Центр Еревана взят в плен советскими монументальными зданиями. Многие постройки выполнены из камня беспечных светлых оттенков, и только памятник Ленину выдержан в классических серых тонах. Я достаю свой ноут и начинаю сканировать окрестности на предмет свободного интернет-сигнала. Выясняется, что найти *wi-fi* с отличной скоростью подключения здесь можно почти везде. Кажется, я еще не глубоко в Азии, но уже потихоньку становлюсь местной достопримечательностью – ко мне постоянно подходят люди с фотоаппаратами и делают снимки.

Каучсерфинг подсказывает, что какой-то Артур из Еревана ждет меня сегодня в гости. Когда я добираюсь до места назначения, выясняется, что он крайне радушный хозяин – помимо меня в однокомнатной квартире Артура сегодня еще восемь человек: четыре чеха, поляк, хорватка, словачка и турок. Здесь не хватает только белоруса. Широким международным составом мы укладываемся шпалами на полу.

Живущие в стенах

Утром с половиной нашей многонациональной группы я отправляюсь на осмотр чрезвычайно богатого наследия Армении. Если честно, я терпеть не могу достопримечательности, особенно если рядом с ними уже припарковались автобусы с китайскими туристами. Иногда мне кажется, что по фотографиям китайских туристов после какой-нибудь глобальной катастрофы можно будет точно восстановить, а потом распечатать на 3D-принтере любую достопримечательность мира. Но сегодня, в виде исключения, я все-таки еду на развалины крепости Эребуни. Хорватка так красиво прокартавила это название, что я не смог устоять.

Вдоволь налавившись по руинам крепости, я твердо решаю, что больше никаких исключений из правил допускать нельзя. К обеду, выжженные и высушенные армянским солнцем, разбитые посредственностью увиденного, мы возвращаемся домой. Я собираюсь срочно заполнить образовавшуюся в душе брешь, хватаю свою камеру и погружаюсь в город.

У меня почти никогда не бывает с собой карты, я просто выбираю направление наугад, сворачиваю во все дворы, заглядываю в окна и гаражи, влезаю на крыши, ныряю в подвалы. Меня интересуют аскеты-одиночки, маргиналы, бомжи, городские фрики, уличные музыканты – все те, у кого проблемы с обыденной реальностью.

И сразу успех! Из выбитых окон многоэтажного дома звучит Шопен в живом исполнении. Отсюда я могу рассмотреть только потолок квартиры – на нем пятна от разбитых яиц и совковая люстра без лампочки. В окне появляется женщина лет пятидесяти, изо рта торчат остатки зубов. Заметив меня, она тут же скрывается в глубине квартиры:

– Добрый день!

– Нет-нет-нет! – кричит она откуда-то из внутренностей дома.

– Меня зовут Рома. Вы здорово играете!

– Да?! Вам нравится?! – доносится из глубины.

– Да-да. Почему вы прячетесь?

– А вы не американец?

– Нет. Почему вы решили, что я американец?

– У меня в квартире спрятан американский спутник. Я боюсь, что вас прислали американцы.

– Не бойтесь, я белорус.

Она вновь появляется в оконном проеме.

– А вы турист?

– Да, я путешествую вокруг света. Можно мне сфотографировать, как вы играете на пианино?

– Я не знаю. У меня дома много людей.

– Прошу вас. Я не отниму много времени. Сыграйте что-нибудь, пожалуйста.

Десять минут уговоров, и женщина наконец сдается. Я влезаю на подоконник по водосточной трубе. Передо мной квартира, в которой время остановилось в семидесятых. В шкафах – русские книги и пыльные стопки пластинок, в серванте – старомодный хрусталь. В

углу пианино, на котором горой лежат нотные тетради. Я прошу зажечь свет, но, оказывается, его отключили несколько лет назад. Женщина начинает играть.

Гая пятьдесят три года, судя по всему, у нее шизофрения. По словам хозяйки, в квартире спрятан спутник, соседи постоянно доносят на нее американцам, а она просто мечтает выйти замуж за француза. Гая уверена, что кто-то живет в стенах ее квартиры, она указывает пальцем куда-то вдаль и просит меня проверить, кто спрятался за дверью. К сожалению, там никого нет.

Своего следующего героя я встречаю на улице. Он играет на старой потертой гармонии. Его зовут Арам, ему семьдесят один год, он вырос в детском доме. Увидев, что я заинтересовался, Арам подает мне покрывало и предлагает присесть рядом.

– Ты откуда?

– Из Беларуси.

– О-о-о! Я сейчас тебе сыграю белорусскую мелодию. Под нее мальчишка рыженький пел на “Евровидении”. Первое место тогда занял.

Арам начинает играть, и я вижу, как его сносит куда-то далеко. Когда старик возвращается на землю, мы продолжаем разговор. Арам рассказывает мне, что начал осваивать инструмент после распада Союза. Сам взял в руки гармонию и научился играть:

– Ты, Ромка, думаешь, что я здесь ради денег играю? Нет! Я для тебя играю, для людей. Мой век скоро закончится, я хочу делать добро. Ты думаешь музыка – это просто? Это очень сложно. Я не могу больше двух часов играть. У меня внутри сил больше не остается.

Этот старик живет меня. У него блестят глаза, он все понимает.

Я припоминаю, как пару дней назад, в Батуми, пролез через дыру в заборе на стадион, где проходил джаз-фестиваль. На сцене выступал Ларри Грэм со своей командой. Звезды скакали по площадке с пустыми глазами и считали свою музыку настоящим искусством. Я ушел оттуда через двадцать минут, потому что эти старые пердуны не верили в то, что делали. В тот момент я решил для себя, что впредь буду ходить на концерты только молодых музыкантов, которые еще не научились ссать в уши со сцены. И вот я сижу рядом с семидесятилетним дедом, который даже не знает, как называется его инструмент, и меня продирает до внутренностей.

Я записываю музыку Арама на диктофон. Прослушав самого себя в записи, старик начинает волноваться:

– Ты знаешь, я впервые слышу себя со стороны. Очень много ошибок! Мне нужна такая штука, как у тебя, – он показывает на диктофон. – Чтобы отточить игру. Она, наверное, дорого стоит?

– Баксов пятьдесят. А можно мне попробовать поиграть?

– Ты не обижайся, пожалуйста, но так мой инструмент скорее испортится. Он не любит чужих рук. Я, пока научился играть, три таких испортил. А на этом уже больше десяти лет играю. Он вообще-то детский. Знаешь, что мне один человек сказал? Не меняй этот инструмент, в нем еще и юмор есть.

В нише советского фонтана, который уже давно не работает, живет женщина семидесяти лет. Она не помнит своего имени и даты рождения. У нее нет никаких документов и не осталось ни одного родного человека. Она говорит, что тридцать лет проработала экономистом на заводе, у нее грамотная речь, женщина сыплет цитатами из книг и просит, чтобы я зашел к ней еще. Я говорю, что получится только через пару лет. Она улыбается:

– Наверное, к тому времени я уже перееду в новое место.

О каком месте она говорила, я понял уже в метро по дороге домой.

Вечером наконец получается пообщаться с человеком, у которого я живу последние дни. Вся наша пестрая компания сваливает в посольство Ирана, а мы с хозяином квартиры остаемся одни на кухне. Артур – радиотехник без образования, ему двадцать пять. Он зани-

мается фотографией и кино: уже снял один полнометражный фильм и работает еще над двумя. Все это он делает для себя. Две фотокниги, которые он издал, существуют в единственном экземпляре. Обе на его книжной полке. Когда я спрашиваю Артура, знает ли кто-нибудь в Армении о его работах, парень отвечает: “Быть знаменитым некрасиво, не это подымает ввысь”.

Особый инстинкт

Я добираюсь до озера Севан. Пока стоит полуденная жара, прячусь в тени монастыря Севанаваик и залипаю на водную гладь. Недалеко от противоположного берега проходит граница с Азербайджаном. Я лежу на коврике, подложив под голову свои манатки, и всматриваюсь в прибрежные лысые горы. В рюкзаке обнаруживается парочка мятых персиков. Я надкусываю сочную мякоть, и по рукам стекает липкий сок.

Пару часов спустя я сижу на полу дилижанского вокзала. В большом помещении здания – только стол, стул и сейф, под которым я нахожу несколько советских монет. От единственной на весь зал ожидания розетки я запитываю свой ноут. В помещение входит полицейский. Он интересуется, откуда я и где живу. Отвечаю, что я из Минска и сегодня собираюсь спать в горах.

– Зачем в горах? Спи тут! Женщина нужна?

Я приведу, всю ночь кайфовать будешь.

Здесь это норма. Водители на второй минуте знакомства без зазрения совести начинают расспрашивать меня о моем опыте:

– А чего ты без подруги?

– Мне нравится путешествовать в одиночку.

– А как вопросы с сексом решаешь?

– Простите?

– Ну, взял бы подругу и чпокал ее. Ведь у нас в Армении сложно бабу нормальную найти. Я слышал, у вас в Беларуси девушки красивые.

– Да, кажется. Но у вас, в Армении, тоже хорошие.

– Когда я приеду в Беларусь, ты меня с нормальной познакомишь?

– Я в Беларуси буду через пару лет.

– Ничего-ничего! Ну-ка дай свой номер.

Обычно подобный диалог происходит под навязчивую музыку из *CD*-проигрывателя – на репите кружат одни и те же десять треков. Допрос может продолжаться часами. Такие поездки сильно изматывают. От отчаянной вульгарности происходящего мне хочется прямо на ходу выйти из автомобиля. В эти моменты я сильнее всего начинаю скучать по дому.

Поэтому если вдруг после череды поездок с сексуально озабоченными альфа-самцами получается застопить человека спокойного и самодостаточного, я цепляюсь за него, как за спасательный круг. Часто отклоняюсь на сотню километров от намеченного маршрута ради того, чтобы еще хоть чуток побыть в компании воспитанных людей.

Но сейчас я пытаюсь отвязаться от назойливого дилижанского полицейского. Чтобы сбросить хвост, выхожу из вокзала и знакомлюсь с первой встречной девушкой. Это Лилит, ей двадцать два, она социолог, политолог и переводчик. Девушка приехала в Дилижан делать какой-то опрос, а теперь возвращается домой в Ереван. Полицейский, делая вид, будто прогуливается, продолжает приглядывать за мной через плечо и, кажется, остается доволен моим выбором. Признаться, я и сам доволен – у Лилит забавный акцент и добрая улыбка. Я спорю с ней, что автостопом доберусь до Еревана быстрее, чем она на автобусе. Вот так неожиданно я снова возвращаюсь в армянскую столицу.

Один день плавно перетекает в другой. Второй – в третий. Июль подходит к концу. Мне легко с Лилит. Мы шляемся по городу с утра до вечера и беседуем о всяких глупостях. Как любой приличной армянской девушке, ей нужно возвращаться домой не позже одиннадцати. Мы долго целуемся в темном подъезде, перед тем как она бежит на автобусную остановку. Я остаюсь один посреди ночного города. Мне абсолютно некуда идти, поэтому я захожу в ближайший бар и танцую, пока слушаются ноги. Потом я вываливаюсь на улицу и медленно бреду по теплой ереванской ночи. В голове пусто и устало. Около трех часов ночи я поднимаю свой нехитрый багаж по пожарной лестнице на крышу двенадцатизатяжки – лифт не работает. Чтобы заснуть, мне обычно хватает двух секунд.

Наступает очередное утро, и я прощаюсь с Лилит. Наше знакомство заканчивается так же просто, как и началось, и вот я окончательно вырываюсь из Еревана. По пути на трассу захожу к своей знакомой, которая живет в нише фонтана.

– Не успели как следует познакомиться, а вы уже уезжаете! – говорит она. – Успехов, здоровья! Чтобы вам только хорошие люди попадались!

Выбираюсь на маршрутке из города. Водитель говорит, что подвезет меня бесплатно, дарит бутылку воды и дает свой номер телефона на случай, “если вдруг что”. Я держу курс на Нагорный Карабах – непризнанную республику между Арменией и Азербайджаном.

Очередной водитель начинает по традиции будить во мне ярость:

– А ты армянку уже трахнул? Нет? У меня тут подруга в соседней деревне живет. Я сейчас тебя к ней отвезу. Просто так. Угощаю.

С каждым новым таким “угощением” мне все сложнее держать себя в руках. Если раньше я с легкостью переносил такие поездки, то сейчас едва сдерживаю отвращение. Я отказываюсь от предложения, но мы все равно едем в деревню. Водитель, сбавив обороты до патрульной скорости, всматривается в окна одного из домов:

– О! Вон она! Ты иди дальше по дороге, а я скоро закончу и догоню тебя.

На улице ночь. Я бреду вперед по пустынной дороге. Деревня остается за спиной. Я надеваю светоотражающую жилетку и включаю плеер. Нет никакого желания останавливать машины. Еще один такой водитель – и я погибну от морального истощения.

Меня обгоняет машина, тормозит и дает задний ход. За рулем молодой парень, сзади сидят две женщины. Я объясняю, что еду в сторону Карабаха. Водитель говорит, что может подбросить меня до села Арени. Мы болтаем всю дорогу, несмотря на то что парень не очень хорошо владеет русским. По профессии он актер театра, но там ему платили сущие гроши. Говорит, что больше всего на свете любит играть на сцене, и очень расстроен, что не может отдаться этому со всей страстью – зарплаты не хватает даже на то, чтобы снять комнату в Ереване. Недавно семья помогла ему открыть магазин, и теперь он целыми днями занимается бизнесом.

Парень везет меня к себе домой. В гостях ночного странника до отвала кормят, отмыывают и обстирывают. Что уж там говорить, из деревни в горах я звоню домой и болтаю с родными по Скайпу.

Следы войны

Когда я просыпаюсь, мой новый друг уже давно разъезжает по своим бизнес-делам. Его отец, Аганес, выдает мне огромный сверток с едой и подвозит на трассу.

Неподалеку от села, высоко в горах, стоит монастырь Нораванк. Дорога к нему пролегает через красивое горное ущелье, и я решаю двинуться туда. По пути останавливаю машину с иранскими туристами. Они дико удивлены внезапной встрече посреди гор с одиноким белым засранцем без гроша в кармане. Один молодой иранец настолько проникается

моим положением, что вынимает из кармана пятнадцать баксов. Очень кстати, так как денег у меня нет вообще.

К закату я наконец добираюсь до Гориса. Этот городок стоит на границе с Нагорно-Карабахской Республикой. Около поворота на Степанакерт, столицу НКР, я знакомлюсь с парой из Москвы. Леон и Алиса как раз только что пытались въехать в Карабах, но их туда не пустили, потому что они оставили свои паспорта в Ереване. Я угощаю их персиками, которыми набит мой рюкзак, а они меня – бутербродами и соком. Я снова меняю планы – мы решаем вместе ехать в монастырь Татев.

В темноте спускаемся в ущелье, до Татева еще десять километров горной дороги. Решаем встать лагерем прямо в низине. Я угощаю спутников своими запасами: сыром, овощами, хлебом. Смешная ситуация – у Леона и Алисы достаточно денег, но среди гор воспользоваться ими довольно сложно. У меня почти нет денег, зато достаточно пищи.

Утром местный горец показывает нам потрясающее место. По острым скалам, цепляясь за чахлые кусты, мы медленно спускаемся к реке на самое дно ущелья. Затем по пояс в воде пробираемся в фантастическую пещеру – с потолка свисают сталактиты, а в глубине образовались естественные ванны. Я никогда раньше не бывал в таких местах. Мы лежим в соленой воде, а прямо со скалы на нас бьет теплый фонтан.

Позже мы находим Нораванк, при котором в XIV веке был основан университет. Если бы мой родной БГУИР располагался так глубоко в горах, я вряд ли смог бы его бросить. От Татева в цивилизацию проложена самая длинная в мире канатная дорога. По одному билету мы втроем прорываемся в фуникулер и десять минут парим в облаках над живописным ущельем. На пересечении Ереван – Степанакерт я прощаюсь со своими новыми друзьями. Вряд ли кто-то из нас в этот момент может поверить в то, что через полтора года мы снова встретимся, но уже в Лос-Анджелесе на берегу Тихого океана.

Наконец, с третьей попытки я попадаю в Карабах. Степанакерт – как Минск, стерильный, наряженный в клумбы и полный людей, жаждущих спокойной жизни. Только конкретно этому стремлению к стабильности хочется верить. Здесь еще сильно пахнет войной. Прошло двадцать лет, но война в глазах у каждого.

Я сижу со своим рюкзаком на главной площади. На часах – одиннадцать вечера. Вокруг меня водоворот людей. Вечером весь город выходит на променады вокруг главного фонтана. Меня растягивают по кусочкам взглядами, но я совсем не против – я чувствую уважение к этим людям, я готов разговаривать с каждым из них о чем угодно.

Утром забегаю в магазин, беру холодный кофе и прошу продавщицу одолжить на минутку телефон – Сеня, мой минский друг детства, прислал номер своей бабушки, которая живет в Степанакерте:

- Здравствуйте, Нора!
- Добрый день, сынок!
- Я друг вашего внука. Он дал мне ваш номер.
- Знаю-знаю. Ты где сейчас?
- Я возле полицейского участка где-то в центре.
- Подожди минутку, никуда не уходи, сейчас за тобой приедет такси.

У Норы большой дом и собственный магазин на первом этаже. Мы садимся на террасе пить чай, отсюда виден весь Степанакерт. Мы беседуем несколько часов. Она рассказывает о том, как сбежала из Азербайджана, когда началась война, о бомбежках Карабаха, о своем сыне, который освобождал Шуши, а она всю ночь стояла со свечой у окна и смотрела в том направлении, где шла спецоперация. Нора вспоминает о единственном танке, который состоял на вооружении местной армии и был подбит, так и не успев выстрелить.

В Карабахе осталось слишком много следов войны – разрушенные бомбежкой деревни, заросшие воронки от снарядов, следы от пулеметных очередей на стенах, люди без ног, глаз,

рук. Я впервые врубаюсь во все это. Несколько дней я брожу как тень по окраинам города, чтобы прочувствовать послевоенный провинциальный дух.

Я захожу в кафе поесть. Денег хватает только на самую дешевую хавку. Официант, мальчик лет пятнадцати, видит, что я на мели:

– Что-нибудь еще хотите?

– Спасибо, больше ничего.

Следующие полтора часа, пока я буду заряжать свой ноут, парень будет таскать мне из кухни всякие вкусности.

Я выхожу на улицу. Уже темнеет, и мне пора возвращаться домой. Вдруг рядом останавливается таксист, который подвозил меня пару дней назад:

– Здравствуйте, садитесь!

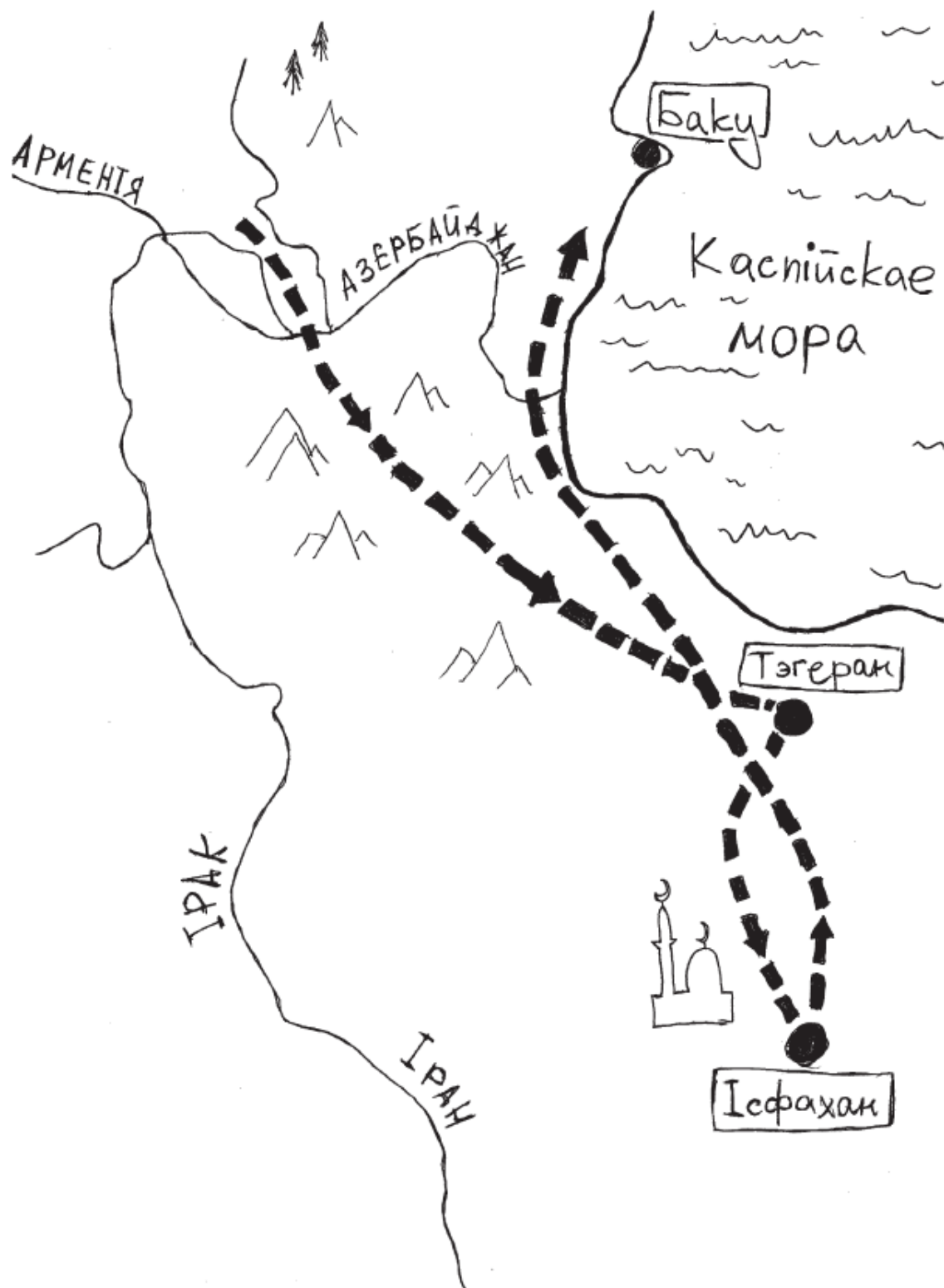
– Простите, но у меня нет денег.

– Мне по дороге, садитесь.

Доброта и отзывчивость этих людей, их честность и простота не оставляют мне шанса – я очарован Карабахом. Впереди еще день в Шуши, где я буду лазить по заброшенным мечетям. Интересно, что в Карабахе сохранилось множество мечетей, и никто их не трогает, а азербайджанцы, говорят, разрушили все церкви, к которым только дотянулись руки.

Время летит быстро. И вот я уже пробираюсь к границе с Ираном. К погранпереходу ведет невероятно красивая дорога через горные перевалы. Спускается ночь, я подбираюсь вплотную к границе. За плечами осталась Армения. Я так и не смог влюбиться в нее по-настоящему. Я не смог принять ненависти этого народа к своим соседям, их культа семьи и религии. Армения – мой первый урок познания Иного. Наверное, стоит вернуться сюда еще раз.

Глава 3 Рома в Иране

Святая ненависть

В крошечной тьме бреду к армянскому погранпереходу. В здании таможни нет ни души, в том числе и пограничников. Около часа провожу у окошка паспортного контроля в ожидании хоть одного служащего. Наконец мне ставят штамп.

Хорошая новость – в Иран разрешен пеший переход. Но волнение не отпускает: перед выездом из Минска я обменял свой паспорт на новый, а иранская виза осталась в старом документе. Поэтому в данный момент у меня на руках два белорусских паспорта. В обоих красуется моя фотка.

Пограничников мои документы абсолютно не впечатляют, они крайне увлечены выступлением на Олимпийских играх иранской сборной по тяжелой атлетике. Одним глазом офицер сканирует мои паспорта и ляпает штамп на страницу для “иных отметок”. В следующем окошке мне скороговоркой задают пару вопросов относительно семейного положения, и наконец – я в Исламской Республике Иран!

Огни границы один за другим исчезают за моей спиной. Скоро я остаюсь в полном одиночестве на извилистой дороге в вязкой темноте восточной ночи. Жарко и сюрреалистично – я специально не включаю фонарик, чтобы не разрушить этот магический момент. Где-то внизу в ущелье громко гудит река, вокруг – едва различимые силуэты лысых гор. Я танцую под музыку в плеере, выкрикиваю слова, которые успеваю разобрать. Мне нравится думать о том, как безумно я выгляжу со стороны. Жаль, что этого не покажут по телевизору в моем деканате.

Вдруг меня догоняет автобус. Раз пять я пытался остановить его еще на территории Армении, но водитель не мог принять пассажира на крутом серпантине. Теперь же места для остановки предостаточно, и планы заночевать где-нибудь в горах обламываются – автобус везет меня напрямик в Тегеран.

Как выяснится позже, мне чрезвычайно повезло, ведь от границы нет прямой дороги в столицу, и чтобы добраться до города, мне пришлось бы поменять машин двадцать и убить на это целый день, а может и два. Но теперь я пью вкусный иранский чай, примостившись на переднем сиденье комфортабельного автобуса. В Тегеране я буду всего через четырнадцать часов.

Дорога занимает всю ночь. Мы заправляемся несколько раз. Все вокруг рвет мое нутро на части. Я никогда раньше не был в мусульманской стране: одноэтажные домики песочного цвета, мечети, женщины в черных чадрах, грязные дети, религиозная музыка на улицах и портреты лидера на каждой стене – все вокруг другое, пугающее и манящее. Мне не хватает слов, чтобы описать этот чужеземный мир, в который я вторгаюсь.

В полдень мы прибываем в Тегеран. Я выхожу из автобуса, следом выбегает мой добрый друг водитель и догоняет меня со словами, к которым я не привык:

– *Money-money!*⁶

– *I thought it's free!*⁷

– *No-no. Money-money!*

Еще некоторое время он настойчиво пытается выбить из меня деньги, но я решительно разворачиваюсь и ухожу. Пробиваюсь через толпу, которая бессистемно взрывается привычным азиатским лозунгом: “*Mister, taxi!*” Нужно срочно укрыться в городе. Я продолжаю двигаться вперед по своему внутреннему компасу. В магазине со всевозможной электроникой покупаю местную симку и наконец выхожу в интернет.

⁶ Деньги, деньги. (англ.)

⁷ Я думал, это бесплатно. (англ.)

Выясняется, что в Иране заблокировано большинство привычных для нас сайтов, соц-сети *Facebook*, *Twitter*, *YouTube* и «ВКонтакте» под запретом, не открываются даже многие белорусские новостные издания. При попытке соединения с запрещенным сайтом тебя автоматически перекидывает на страницу с религиозным контентом. Интересно, какая у нее посещаемость?

Конечно, иранцы тоже умеют пользоваться прокси, *ssl*-туннелями и *Tor* – браузерами. Нарушив закон, я пробираюсь на *Facebook*. Самое – иранка, с которой я познакомился в Батуми, – присылает мне номер телефона своей сестры. Сестру зовут Неда, я звоню ей, чтобы договориться о встрече.

У меня всегда возникают проблемы, когда я разговариваю по телефону на английском, пока я очень плохо знаю этот язык. Другая неприятность – я понятия не имею, где нахожусь: все названия улиц написаны на фарси без транслитерации. Чтобы объяснить свою геолокацию, я бесцеремонно торможу первого попавшегося иранца и сую ему в руки телефон. Прохожий объясняет Неде мое местонахождение, и она обещает подскочить за мной через час.

Неде – двадцать четыре, она закончила универ по специальности «менеджмент» и мечтает свалить из этой страны. Мы решаем ехать к ней домой. Она вызывает свою сестру Самир и просит подкинуть нас до дома на машине. Самир – двадцать восемь, она преподает английский. Девушка пару дней назад получила права, поэтому, напряженно наяривая по трассе, мы используем только первые две передачи.

Когда мы наконец добираемся до дома, я впервые сталкиваюсь с главным правилом моего пребывания в Иране – мне придется быть невидимкой. Никто не должен видеть, как я вхожу в дом и как из него выхожу. Мы дежури́м в машине и ждем, пока сосед припаркует свою колымагу и исчезнет из вида. Строго по команде я выпрыгиваю из авто, прихватываю рюкзак и быстрым шагомдвигаюсь в сторону подъезда. Нельзя, чтобы меня видели рядом с Недой и Самир: незамужние парень и девушка в Иране не могут проводить время вместе. Никогда не знаешь, кто настучит на тебя в полицию, которой, кстати, здесь множество видов: от простых информаторов, задача которых – присматривать за прохожими, до специальных секретных подразделений.

Девушки входят в дом немного позже и первым делом закрывают и завешивают все окна. Дом – это единственное место, где женщина не обязана носить чадру. И похоже, единственное место, где ты чувствуешь себя свободно, но все равно стараешься разговаривать не очень громко, чтобы не услышали соседи. За обедом девушки рассказывают мне о своих взглядах на правительство, веру, религиозные правила и обычаи. Я назвал бы это святой ненавистью.

Наказание плетью

Неда и Самир предлагают мне остаться у них на пару дней, пока родители отдыхают за городом. Вечером, когда температура спадает до тридцати градусов, мы по очереди выбираемся из дома.

В Тегеране проживает около десяти миллионов человек. Здесь есть все, что характерно для мегаполиса: многоуровневые дорожные развязки на двенадцать полос, долговязые небоскребы, огромные рекламные растяжки и маленькие люди, которые снуют туда-сюда. Меня поражает количество пропаганды на стенах города – повсюду портреты строителей постреволюционного мусульманского рая, изображения шахидов, павших в войне с Ираком, и флаги размером с футбольное поле. Государство не пренебрегает даже стрит-артом – столица растатуирована цитатами из Корана, высказываниями религиозных лидеров и зарисовками сцен героической гибели иранских солдат.

Мы добираемся до арт-зоны, которая находится в самом сердце столицы. В парке повсюду разбросаны современные скульптуры, в центре – музей искусств. На первом этаже здания магазин хэндмэйд-товаров. Интерьер музея очень напоминает единственную в Минске галерею современного искусства. Сейчас в Иране Рамадан – мусульманский праздник длиной в месяц, поэтому все без исключения выставки посвящены религии. Мне здесь нравится.

Время летит незаметно. Через пару дней, не дожидаясь приезда родителей Неды и Самира, я покидаю свой первый иранский приют. Я прошу девушек вывезти меня в самый бедный район Тегерана.

Не успеваю я выйти из машины и распрощаться с подругами, как ко мне подруливает незнакомый парень на мотоцикле. Он совсем не говорит по-английски и жестами приглашает меня сесть к нему на байк. Я сажусь, и мы, поддав газку, улетаем куда-то по узким и грязным улицам. Его зовут Сириус, ему двадцать четыре. На его шее вытатуирован крест, а на спине следы от ударов плетью – очень популярное в Иране наказание. Говорят, что после такой процедуры ты не можешь лежать на спине несколько месяцев.

Тем временем мы поднимаемся в горы. По обе стороны дороги, если это можно назвать дорогой, стоят убогие афганские хижины. Афганцы в Тегеране, как таджики в Москве – главная рабочая сила на стройках. Их здесь не любят, боятся и стараются обходить стороной.

Сириус останавливает свой мотоцикл у реки, мы слезаем, чтобы искупаться. Пока я отмываюсь от дорожной пыли, мой новый друг исчезает за ближайшими валунами и вскоре притаскивает оттуда громадную дыню. Ножа у нас нет, поэтому Сириус разбивает плод о камень и дает мне половину. Дыни здесь не желтые, как у нас, а зеленые. И по вкусу немного уступают отечественным.

После прогулки в горы мы спускаемся обратно к реке. Сириус везет меня к себе в гости. В его комнате два культовых объекта, вокруг которых вращается вся жизнь, – это старый плакат Бритни Спирс и прилично сохранившаяся *Sony PlayStation*. Вскоре я наедаюсь до отвала и постыдно проигрываю в футбол на приставке. Чтобы не затягивать визит, делаю вид, будто мне кто-то звонит и предлагает встретиться. Сириус понимает, что мне пора уходить. Он заводит свой мотоцикл и подвозит меня до ближайшей автобусной станции. Я осматриваюсь и решаю подняться в незнакомый парк, который виднеется где-то вверху на склоне горы.

В парке традиционно много людей, которые играют в пинг-понг, бадминтон и волейбол. Вообще спортивные игры в Иране – главное развлечение. Видимо, потому что, в отличие от православных стран, пиво здесь не продают в каждом киоске – оно тут вообще запрещено, как и любые другие спиртные напитки. Кроме, конечно, безалкогольного, которое расходуется в диких количествах диким тиражом.

Я бросаю рюкзак и сажусь в тень под деревом. Лысый парень крепкого телосложения интересуется, не нужна ли мне помощь – так я знакомлюсь с Амином. Ему двадцать девять, он гей, занимается продажей драгоценных камней и ненавидит курильщиков. Он оставляет мне свой номер телефона:

– Если будут какие-то проблемы, сразу звони. У тебя есть где жить?

– Надеюсь, что да.

– Если не найдешь – набирай. Я живу один, постель для тебя найдется.

Я не очень-то доверяю приглашениям от людей, которые предпочитают однополые отношения, потому что однажды имел неприятный опыт в Китае. Как-то ночью мой хост внезапно решил подкатить ко мне спящему, чем практически застал меня врасплох. После этого случая я стал внимательней относиться к профилям на каучсерфинге. Но Амину я почему-то доверяю и говорю, что обязательно позвоню ему, если мои друзья не смогут найти подходящее место.

Друзья не смогли. Но узнаю я об этом только в полночь. Пытаюсь дозвониться до Амина, но он не отвечает. Перелезаю через забор какого-то многоэтажного дома – здесь абсолютно нормально, если при многоэтажном доме есть собственный парк. Ставлю палатку и отрубаясь.

Банды “крикунов”

Утро начинается резко. Кто-то молотит по тенту палатки:

– *Don't touch my tent!*⁸ – реву я.

В ответ слышу что-то гневное на персидском.

– *Fuck off! Don't touch my tent!*⁹

– *Hotel, mister! Hotel!*¹⁰

Примерно так будет начинаться каждое утро, которое я буду встречать в палатке где-нибудь в дебрях Тегерана. Бдительный местный охранник или дворник обязательно сочтет мое поведение недостойным настоящего интуриста и будет настойчиво требовать моего скорейшего этапирования в отель.

Звонит Амин и долго извиняется, что вчера не поднял мобилу. Тот факт, что я ночевал на улице, приводит его в ужас. Он сообщает, что мы должны немедленно встретиться. Амин – гей, но ему больше нравится, когда его называют бисексуалом. Он говорит, что я не в его вкусе, так что могу расслабиться. Я успокаиваюсь. Амин предлагает мне поехать с ним в командировку в Исфахан – третий по величине город Ирана. Я соглашаюсь, и мой товарищ покидает меня, чтобы подготовиться к поездке.

Гудит телефон. Это Женя – мой напарник, вместе с которым я проехал Грузию. Вскоре мы встречаемся. Женя совсем на мели – я несу ему пакет с едой, который везу еще из Карабаха. Также я готов пустить в ход все свои семь долларов наличными, с расчетом на то, что скоро сниму еще немного кэша с карточки.

Выскочив из машины, Женя радостно размахивает руками. Если честно, я тоже невероятно рад его видеть. Мы кидаемся друг к другу, но картину портит водитель, который привез моего товарища. Он цепляется за Женин рюкзак и запиливает традиционную в этих краях водительскую мантру: “*Money-money!*” Женя говорит, что этот чуткий человек согласился подвезти его без лишних вопросов, но только после того, как закончит молитву.

– Я подожду, пока он помолится. Потом еще полчаса подожду, пока он поговорит с друзьями. И вдруг он подходит ко мне и кивает: “Все, садись! Я тебя повезу”.

Ситуация становится критической, когда до водителя доходит, что расплатиться нам нечем. Он начинает тащить Женю назад в машину со словами: “Я отвезу тебя обратно”. Проанализировав обстановку, я обнаруживаю уязвимое место врага: отсутствие “шашечек” на дверях и крыше авто бросают тень на легальность оказанных Жене услуг. Я произношу волшебное слово “*police*”. Но водитель неожиданно поддерживает мою идею и предлагает нам сесть в машину и проехаться до ближайшего участка.

Это блеф. Скорее всего, мы проследуем до ближайшей подворотни, где расплатимся собственным здоровьем. Тогда я сажусь на тротуар и своей позой даю понять, что базар окончен. Водитель выписывает мне громкую пощечину, погружается в авто и уезжает. Как же я ненавижу такие ситуации!

Так мы с Женей и сидим на тротуаре какой-то маленькой уютной улочки. У меня уже нет времени – скоро я должен вернуться к Амину, чтобы двинуться в Исфахан. Мимо нас

⁸ Не трогай мою палатку! (англ.)

⁹ Пошел ты! Не трогай мою палатку! (англ.)

¹⁰ Отель, мистер! Отель! (англ.)

проезжает джип с молодыми парнями на борту. Я жестом прошу их остановиться. Уже через минуту Женя уезжает на этой машине в экскурсионную поездку по городу. Отлично – мы не видели друг друга около месяца, встретились на полчаса, и я сажаю его в первую встречную машину, а сам собираюсь уехать за триста километров на юг.

Перед поездкой в Исфахан Амин выдает мне чистую рубашку в синюю клетку:

– Ты должен выглядеть как мой коллега, – напоминает он.

Это даже интересно. Еще пару часов назад я жил на улице, а теперь я представитель фирмы, которая продает драгоценные камни по всему Ирану. Меня доставляют в Исфахан на спецавтобусе, я разъезжаю по городу на такси, ем в дорогих ресторанах, но при этом у меня в кармане нет ни копейки.

На следующей точке, пока Амин утрясает свои проблемы с афганскими рабочими, я решаю снять деньги с карточки, которые мне должны перечислить с родины. И тут я натываюсь на невероятно радостную новость – это принципиально невозможно. Международные карты *Visa* и *MasterCard* не работают в этой стране. Это политика Соединенных Штатов в отношении Ирана. И это означает только одно – деньги, которые я отдал Жене, были последними, и в ближайшие несколько недель я обречен на жестокое выживание.

Вскоре мы возвращаемся назад в Тегеран. Амин обеспокоен моим положением:

– Если ты вдруг почувствуешь, что не можешь больше продолжать путешествие, скажи мне, я куплю тебе билет домой, – повторяет он.

Я киваю Амину, прекрасно понимая, что никогда не воспользуюсь его добротой. На следующий день я прощаюсь со своим другом, потому что ему нужно переезжать в другой город – похоже, в столице он уже втюхал все камни, которые только можно было втюхать.

Звоню Неде и прошу ее провести экскурсию по рынку Тегерана. Пока я жду ее в условленном месте, случайно замечаю в толпе Женю. Вот что значат ментальная связь и общая политическая платформа!

Вобрав как следует дух базарной жизни, мы втроем отправляемся на поиски какого-нибудь приличного места общественного питания. Задача оказывается нетривиальной – во время Рамадана все кафе открываются после захода солнца, так как днем есть запрещено. Пока мы шаримся по городу, у Неды рвутся босоножки. Два белорусских инженера напрягают мозги и решают скотчем намертво примотать обувь к ноге. Во время этой нехитрой операции мое правое ухо фиксирует знакомый вой Тома Йорка. Звук доносится из наушников молодого длинноволосого парня. Я останавливаю его взглядом, и через десять минут разговора Мэхди приглашает меня на репетицию своей группы *Telecraze*, а также в собственное арт-кафе и домой на ночлег.

Следующие два дня я прекрасно провожу время с ним и его друзьями. Мэхди много рассказывает о “зеленых” – участниках иранского оппозиционного движения. В местных акциях неповиновения есть много интересного. Например, пару лет назад были популярны протесты на крышах – “зеленые” выкрикивали лозунги с высоты нескольких этажей. Полицией, которые находились на земле, довольно сложно было понять, откуда доносятся звуки, так как застройка в Тегеране очень плотная, и банды “крикунов” свободно перемещались с одной крыши на другую.

А однажды во время протестов работники спецслужб обстреливали толпу из пейнтбольных ружей флуоресцентной краской, а потом тихари в штатском отлавливали по всему городу активистов, распознавая их по пятнам на одежде. В городе можно до сих пор наткнуться на зеленые кляксы.

Во время протестов было убито много молодых людей, еще больше попало в тюрьмы. Иранское правительство не стесняется открывать огонь по протестующим. Нашим силовикам до них пока что далеко.

Секретная полиция

Через некоторое время Мэхди просит нас покинуть его квартиру с той же легкостью, с которой пригласил в гости.

Мы возвращаемся в арт-парк в надежде отыскать кого-нибудь, кто сможет принять нас на ночлег. Я нахожу в мусорном баке кусок картона и пишу на нем красным маркером *“Looking for host”*.¹¹ Не успеваю я доделать табличку, как ко мне подходит парень и сообщает, что готов принять нас на ночь. Парня зовут Мустафа, он ни в зуб ногой по-английски и, кажется, просто решил прогуляться по парку под какой-то наркотой. Не могу сказать, что мы горим желанием заночевать у него, но любопытство гложет, да и не в той мы ситуации, чтобы воротить нос.

Вскоре выясняется, что Мустафа живет с мамой и сестрицей. Первое, о чем я успеваю подумать, когда вижу, во что одета его мама: наверное, она заядлая байкерша. Женя со мной соглашается, но мама – нет. Она не имеет ничего общего с байками и вообще – глубоко верующий человек. Мустафа оказывается достойным парнем. В свободное от работы время он импровизирует на стареньком синтезаторе и рисует ЛСД-шные картины. На его балконе набирается сил коллекция мескалиновых кактусов.

На следующий день в том же парке я знакомлюсь с Мухаммедом. Ему двадцать три, он верит в Бога, водит *Peugeot 206* и лабает на народном музыкальном инструменте “баглама”, с которым уже объездил весь Иран. Мухаммед соглашается показать мне улицу, где местный молодежь гоняет на тачках и знакомится друг с другом. Технология стандартная – две машины равняются на дороге, пассажиры ведут короткую беседу, обмениваются номерами телефонов, чтобы вскоре встретиться в одном из отелей города.

Свесившись из окна *Peugeot 206*, я делаю серию снимков с моментами нелегальных знакомств горячих иранских подростков. Внезапно нашу машину догоняет мотоциклист и грубым голосом приказывает прижаться к обочине. Мухаммед выглядит испуганным. Он говорит мне, что это “басидж” – местная секретная полиция, что-то типа нашего КГБ.

Мы не успеваем даже рыпнуться, как у меня отбирают камеру и паспорт. Нашу машину берет в кольцо отряд из десяти человек, и только один из них говорит по-английски. Сперва кажется, что все не так уж серьезно – нас просят подождать пару минут, мол, это обычная проверка. Но через пару минут сотрудники спецслужбы забирают у водителя все документы и куда-то сваливают. Взамен подъезжает пара тонированных джипов с людьми в штатском. На меня время от времени бросают косые взгляды, будто я иностранный шпион.

Наконец нам сообщают, что мы сможем забрать документы через пару дней. Я неодобрительно качаю головой и сообщаю, что никуда не пойду, пока мне не вернут документы и камеру прямо здесь. Меня никто не слушает. Я предупреждаю, что сейчас позвоню своему консулу и расскажу о произошедшем. В этот момент в мозгах присутствующих наконец что-то замыкается, и они соглашаются вернуть мне паспорт и камеру. Забирают только флешку с фотика, предварительно отщелкав на нее все мои и Мухаммедовы документы. Мне приказывают ждать звонка от Мухаммеда, с которым приблизительно через пару дней свяжется один из “басиджей” и назначит встречу. Мне страшно. Мандраж держит вплоть до следующего утра.

Резко вскакиваю среди ночи, от стука по тенту палатки. После вчерашнего происшествия Мухаммед высадил меня в старом добром парке, поэтому я ночую в палатке. Смотрю на часы: пять утра. Решительно прошу отойти от палатки, но мой шекспировский англий-

¹¹ Ищу ночлег. (англ.)

ский остается неслышанным – человек снаружи теряет терпение и начинает расстегивать палатку. Снова полицейский.

Жестом дубинки человек в форме приказывает мне вылезти. Затем немного сконфуженно просит вернуться в палатку и надеть что-нибудь поверх трусов. Мое состояние можно назвать весьма потрепанным. Начинаю неохотно собирать свою крепость, но нетерпеливый полицейский все чаще просит меня ускориться. Я специально собираюсь еще медленнее. Офицер начинает злиться и трясти наручниками перед моим лицом. Я улыбаюсь и протягиваю ему запястья. Оказывается, у него все-таки есть извилины – если он закует меня в кандалы, кто же будет собирать мои вещи?

Мы следуем в отделение полиции. Там офицер проверяет мои документы, просит прощения за беспокойство и позволяет вернуться обратно в парк досыпать. В такие моменты я скучаю по Грузии.

Так пройдет еще неделя моей жизни в Тегеране. Несмотря на проблемы с полицией, жильем и деньгами, меня невероятно торкает этот город. У нас очень много общего с иранской молодежью. Им так же больно за свою родину. Им непонятно, почему их считают террористами, как нам непонятно, почему нас не считают людьми. Они так же страдают из-за своих паспортов. Каждый из них может рассказать историю о том, как огреб по спине дубинкой. Они тоже прячутся по университетам от армии, и им всем так же неизвестно, что будет дальше.

Моя копия

Мы с Недой и Самир едем на Каспийское море. Иран здесь чем-то напоминает Грузию, только невероятно грязную и брутальную. Обочины и лес завалены горами мусора.

Вечером мы идем на пляж. Я забегаю в воду по пояс. Девушки начинают кричать с берега и просят меня вернуться назад, потому что это *“very dangerous”*.¹² Мне смешно до слез, я ныряю в воду, но подруги обеспокоены не на шутку. К ним подключается какая-то группка иранцев. Боюсь, как бы меня не начали спасать всерьез, и выхожу на берег.

В мусульманской культуре девушкам запрещено светиться в купальнике в публичных местах. Для них существуют специальные бассейны. Мужикам без девушек, видимо, тоже в воду лезть неинтересно, поэтому иранцы в большинстве своем абсолютно не умеют держаться на воде, довольствуясь “заплывами” по колено. Подросшие ребята интересуются, не пьян ли я. В их глазах я действительно очень сильно рисковал.

Утром между сестрами случается ссора. Я принимаю сторону Неды, и мы оба, как Адам и Ева, с позором покидаем машину. Я предлагаю Неде домчать до Тегерана автостопом. То ли нам дико везет, то ли в Иране лучший автостоп на планете, но мы невероятно быстро добираемся до столицы и, немного подавленные конфликтом, прощаемся друг с другом.

Я снова в парке. Мы с ним породнились. Меня узнают охранники, дворники и работники киосков. Я знаю уже полсотни человек в этом городе, не считая секретной полиции, но мне некому позвонить. Очередной раз делаю табличку *“Looking for host”*. Парк пуст – время готовится перевалить за полночь. Единственное развлечение – мой англо-русский словарь. Открываю на первой странице и начинаю читать все подряд:

Abandon – оставлять, покидать.

Abrupt – резкий, внезапный.

Absent-minded – рассеянный.

¹² Очень опасно. (англ.)

Наконец какие-то добрые люди приглашают меня к себе в гости. В два часа ночи я вхожу в их квартиру, усталый и разбитый. Улыбаюсь через силу, интересуюсь, где душ. Состояние ванной комнаты очень тонко попадает в мое настроение – плесень на потолке, грязный шербатовый кафель на стенах, мелкие насекомые разбегаются из-под ног. Вскоре мне показывают мое спальное место – это до ужаса пыльный и дырявый от сигаретных ожогов ковер. Наверное, я делаю что-то не так?

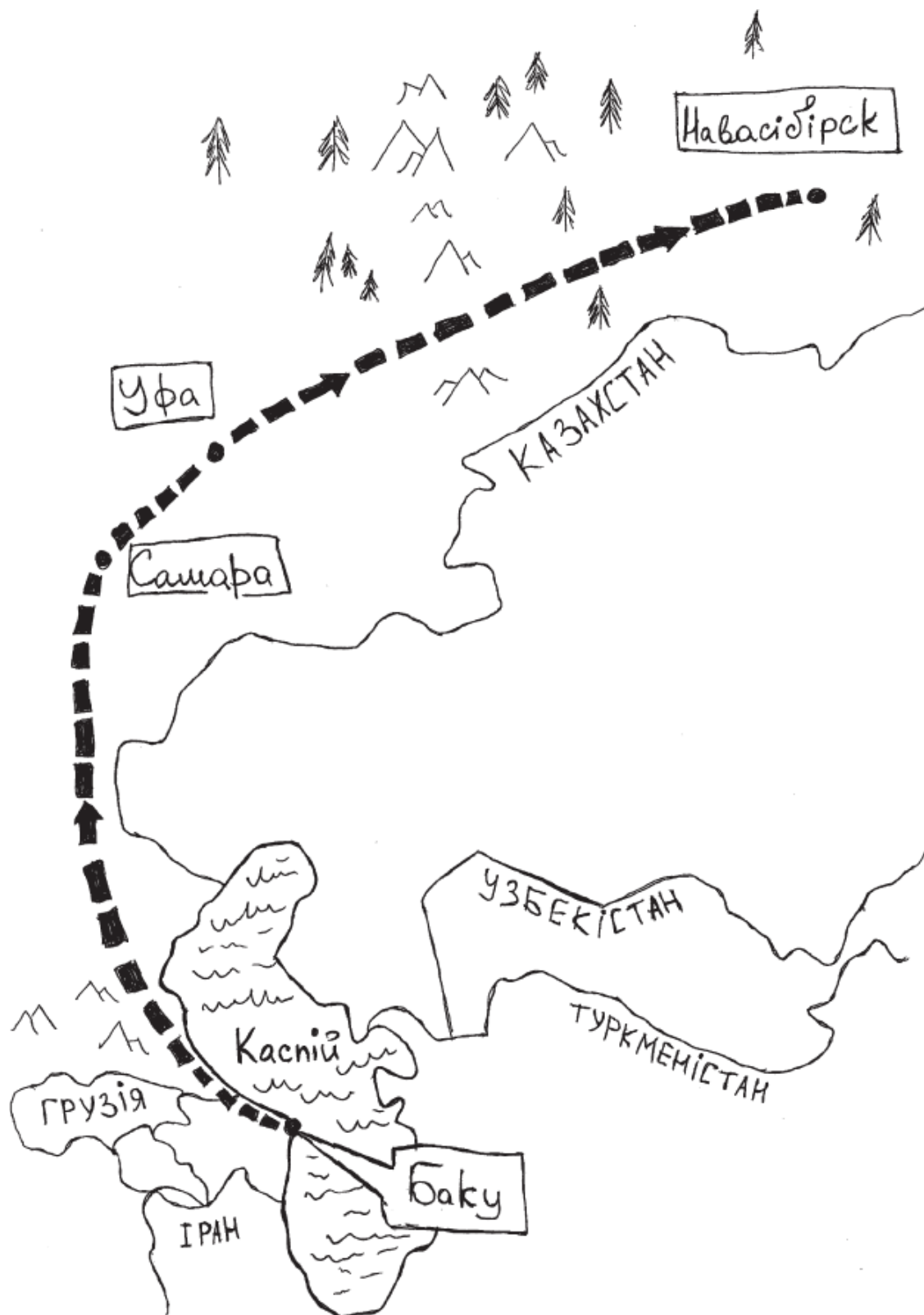
И вот, когда я – вареный картофель, размазанный ложкой по тарелке, – впервые за время дороги с ностальгией вспоминаю о доме, у меня наконец случается невероятная встреча. Удивительным образом я знакомлюсь с человеком, который напоминает мне собственное отражение в зеркале. Его зовут Абтин, ему двадцать, мы находим друг друга все в том же парке. Он приглашает меня домой, заблаговременно предупредив родителей.

В его квартире все такое же, как и у меня дома, но с иранским акцентом. Я ем ту же еду – курицу с рисом, но с иранскими специями. Мы сидим на полу. В его комнате собрано то же хламье, что и в моей: печатная машинка, пионерский горн, коллекция фотоаппаратов, таблички с запрещающими знаками и надписями, а также другие очень важные и нужные в быту вещи. Но машинка – с персидской клавиатурой, а горн немного короче нашего, отечественного. Он учится в университете искусств. Мы рассматриваем его работы, и я теряю дар речи. Я нахожу среди них портреты моих отца и брата – да что там, я нахожу среди этих скетчей себя. Я могу рассказать про каждую мелкую деталь на его рисунках. Несмотря на то что Абтин очень плохо говорит по-английски, мы болтаем до полуночи обо всех самых важных для нас вещах.

Эта встреча в корне меняет мое представление о стране. До последнего момента я жил среди инопланетян, которые не понимали меня, и не очень-то спешил понять их. Но теперь я встретил родную душу, и это самое важное, что я могу рассказать об Иране.

“Басиджи” так и не позвонили мне – они просто прикармливали мою флешку с бесценными фотографиями. Я прожил в Иране месяц, истратив при этом несколько долларов. Я так и не съездил в Шираз, о котором плакал Есенин, я не видел верблюдов. Я открыл для себя иной Иран, полный подпольной музыки, вечеринок, наркоманов и городских фриков. Тегеран большой и быстрый, как Москва, – в нем можно найти все и все потерять. Тегеран такой же молчаливый и замкнутый в себе, как Минск, – в нем почти невозможно встретить туристов. Я опускаю глаза в землю, когда вижу очередной патруль в штатском. Но внутри я смеюсь, потому что знаю: сила в правде, а еще в вере, решимости и молодости.

Глава 4 Рома в Азербайджане

Иранская банда

– Добрый день, Игорь Михайлович, это Рома Свечников беспокоит. Я заходил к вам несколько недель назад с вопросом про банковскую карту.

– Да, добрый день, Роман. Я вас помню. Вы все еще в Тегеране? – не без удивления спрашивает третий секретарь посольства Беларуси в Иране.

– Да-да. Я как раз хотел спросить вас о возможности продления визы. Я был бы рад задержаться здесь еще на пару недель.

– Какой у вас тип визы?

– Туристическая. Однократная. На тридцать дней.

– К сожалению, продление туристической визы невозможно, она выдается строго под определенные цели.

Что ж, придется снова набирать высоту.

Я подсчитываю количество дней с момента моего въезда в Иран, и выясняется, что сегодня в полночь моя виза истекает. Вообще-то я рассчитывал, что у меня есть еще денек в запасе. От Тегерана до границы с Азербайджаном – пятьсот километров. Это приемлемое расстояние для одного дня автостопом, если бы не тот факт, что я сейчас нахожусь в центре огромного города, выбираться из которого мне придется не менее четырех часов. Похоже, что впервые в жизни я просрочу визу.

Звоню Жене, который затерялся где-то в недрах мегаполиса. У него есть еще пара дней в запасе, так как он въехал в Иран немного позже меня. Обсудив ситуацию, все-таки решаем двигать вместе. Не последним аргументом становится тот факт, что Жене удалось где-то раздобыть пятьдесят баксов.

Мой телефон разрывается от звонков ребят, с которыми я провел последнюю неделю. Я прошу их помочь найти транспорт до Астары – города, который разрезан пополам ирано-азербайджанской границей. К сожалению, ничего не выходит, и мы решаем немедленно ломануться в Азербайджан на автобусе, заплатив за билет.

Я захожу на вокзал, где меня встречает Абтин, мой бородатый худощавый брат. Рядом стоит его подруга Ада – огненно-рыжая кудрявая девица с невероятно обаятельной улыбкой. Вокруг бегают Парадиз и его подруга Мэт. Наверное, мой английский показался им не очень внятным, потому что Парадиз и Мэт дарят мне учебник по английской грамматике. Откуда ни возьмись появляется Фриз, девочка двадцати пяти лет, которая работает в кукольном театре. Она такая миниатюрная, что ее наверняка путают с куклами на сцене. Фриз виснет якорем у меня на шее и уговаривает остаться в Тегеране еще на пару дней. Абтин тем временем, принимая неизбежность моего отъезда, достает из сумки пакет с едой и протягивает мне.

Я обнимаю всех в десятый раз – я готов забрать их с собой в рюкзаке! Моя иранская банда, мы еще обязательно встретимся.

Следуя Корану

Я качусь в автобусе и тоскую. За окном пустыня, которая больше не кажется мне чужой. Восемь часов спустя, уже ночью, мы с Женей выпрыгиваем в Астаре и берем такси до погранперехода. На месте выясняется, что граница закрыта с шести вечера. Барабанная дробь! Я просрочил визу!

В одном из местных кафе мы рассказываем случайным полуночным слушателям о нашем путешествии. Хозяин бесплатно угощает нас ужином. В свое время его отец объе-

хал земной шар на велосипеде. Мужик даже выносить из подсобки фотографию в качестве доказательства.

В восемь часов утра мы уже стоим на границе среди толпы азербайджанских челночников. Иранский пограничник не обращает никакого внимания на мою просроченную визу и ляпает штамп.

Азербайджанская часть Астары невероятным образом напоминает белорусскую провинцию. Здесь так же чисто, повсюду та же тротуарная плитка и те же трактора. Первый же человек, с которым мы заговариваем, срывается на крик:

– О-о-о! Земляки! Я семь лет в Лиде прожил!

Он плотно кормит нас яичницей и вывозит из города на трассу. Следующий водитель решает держать планку и угощает нас местным блюдом льяванги – это фаршированная всяким блаженством курочка. Короче, в Баку мы приезжаем сытыми и довольными.

Если честно, такое поведение азербайджанцев нас немного смущает. После баек, услышанных в Армении, мы не очень-то хотели сюда ехать и сделали это скорее от безысходности. Но сейчас в мою голову закрадываются сомнения – похоже, Азербайджан не менее гостеприимный, чем другие регионы Кавказа.

Уверенной походкой мы пробираемся в центр города. Баку – большой и дорогой. На центральных улицах сложно отыскать машину дешевле десяти тысяч баксов. Начинает темнеть, я пристально рассматриваю прохожих, чтобы найти кого-нибудь из “наших”. Несколько попыток заканчиваются неудачей – велосипедист, гитарист и женщина с лабрадором представления не имеют, где можно переночевать двум туристам из братской Беларуси.

Усталые, мы сворачиваем на темную улицу, чтобы найти укромный дворик под палатку. Вдруг впереди я замечаю компанию, от смеха которой у машин срабатывают сигнализации. Вот он, наш шанс! Молодой инженер Яшар готов приютить нас у себя до утра. Мы разговариваем с ним на смеси русского и английского, получается что-то вроде: “*If u wanna, we could eat* торт”.

Когда я учился в университете, то всегда просыпал первую пару. И вовсе не потому, что сильно уставал. Просто каждый новый день был еще более напрасным, чем предыдущий. Я спал по двенадцать часов. Спал бы, наверное, и по пятнадцать или вообще продрых бы всю зиму, как бурый медведь. Однако человеческий организм не рассчитан на такие нагрузки. Теперь же я сплю не больше шести, а зачастую – около пяти часов в сутки. Утренняя реальность всегда бьет резко и внезапно, словно затаившийся ферзь. Ты открываешь глаза и пытаешься врубиться: “Где я? А-а-а, это же я у инженера Яшара. Ему на работу к восьми. Ненавижу инженеров!”

Дальше – суетной город, где утром делать решительно нечего. Я падаю на траву в парке возле набережной в надежде еще немного подремать. Парк, кстати, толковый. Вообще в Баку к “Евровидению” построили много чего хорошего, город выглядит современным и дружелюбным. Но это как пресловутая белорусская чистота – всего лишь пыль в глаза приезжим:

– Э-э-э! Вставай! Здесь нельзя спать!

– Да я еще уснуть не успел! Приходите, когда засну.

– Давай, вставай! В отель иди спать!

Это Магомед, двухметровый и крепкий, как дуб, охранник парка. В его огромной черепной коробке пасется целая отара консервативных взглядов на газон и городской этикет в целом. Идти мне некуда, а Магомеду еще одиннадцать часов охранять парк от сонных людей. И вот мы стоим рядом, облокотившись на бетонные перила, и смотрим на спокойный Каспий.

– Магомед, а как ты к армянам относишься?

– Я их ненавижу! Я бы их всех отымел! У нас здесь их вообще все ненавидят. А ты в Армении был, что ли?

- Да, был. Перед Ираном заезжал, – говорю я, пронзая взглядом каспийскую даль.
- Если бы ты сюда голову армянина привез, то сильно бы разбогател.
- Смог бы тачку нормальную купить?
- Ха! Легко!
- Слушай, ну не могут же все армяне быть плохими! Сам подумай, везде же есть хорошие люди.
- Ну-у-у, бабы армянские мне нравятся. Тела у них шикарные, лица только – говно.
- Магомед, а ты в Бога веришь?
- Конечно, у нас в Азербайджане все по Корану!
- А ты его весь прочитал?
- Я все и так знаю. Читать необязательно.

Я постепенно начинаю оттаивать от романтики нищенской жизни в Иране. Впрочем, если захожу в магазин, до сих пор на автомате оцениваю расстановку камер и повадки охранников, хотя тырить ничего не собираюсь – здесь уже работает моя банковская карта. Я наконец не напрягаюсь, разговаривая с людьми, – мы щебечем по-русски, у нас общее прошлое. Я знаю, что вряд ли открою здесь для себя что-то новое, мне кажется, я уже достаточно врубился в Кавказ. Все, что мне действительно сейчас нужно, – это хороший отдых. Поэтому мы с Женей жадно пожираем прохожих глазами в надежде встретить кого-нибудь, кто удовлетворит нашу потребность.

Парень по имени Мурад подходит к нам, когда мы копаемся в мусорке, чтобы отыскать картонку для очередной таблички. Он приглашает нас в соседний бар выпить пива. Вообще-то я почти не употребляю алкоголь – никогда не понимал, зачем люди это делают. Но тут я с диким удовольствием пропускаю пару стаканчиков холодного бодрящего пивка. Мир становится проще, а рюкзак – легче. Мурад предлагает заночевать у него на работе. Он системный администратор в сейсмологическом центре. Через полчаса мы размещаемся прямо на полу в серверной между шкафами с айтишным железом и засыпаем под монотонный гул кулеров.

Чай и марихуана

Утром я случайно натыкаюсь на Соху и Самое, своих иранских друзей, с которыми ездил в грузинский детский дом. За то время, что мы не виделись, у ребят украли велосипеды, но, как и в любой истории про отважных путешественников, нашелся добрый человек, который купил им новые. Теперь Соху и Самое собираются перебраться в Казахстан на пароме, у нашей команды похожие планы. Скоро иранцы сваливают по своим делам, а мы с Женей отправляемся на главную улицу Баку, чтобы по привычной схеме отыскать себе ночлег.

Я ни разу не сидел с табличкой *“Looking for host”* так долго. И что самое интересное, результат операции также сильно отличается от моего предыдущего опыта. Человек, который согласился нам помочь, снимает для нас отель! Правда, только на одну ночь и самый дешевый номер, но такой вариант все равно лучше любой вписки, ведь тебе не приходится проходить через семь кругов утомительного кавказского гостеприимства.

Заселившись, Женя решает как следует отмокнуть в душе, а я выхожу с камерой на городскую охоту. Буквально у порога отеля встречаю Мурада. Мы направляемся в бар *Otto*, где сегодня вечером на сцене выступает некая филиппиночка Мишель. Пришло время сбросить накопившееся нервное напряжение. Забегая вперед, скажу, что мои танцы этим вечером будут кормить меня всю следующую неделю.

После безумной вечеринки в баре мне удастся подремать в гостинице не более четырех часов. Ко всему прочему, ночью меня, полумертвого, насилует рой комаров – благодаря тому, что в моих ушах до сих пор звенит и пульсирует эхом энергичная музыка, насекомых я

совсем не слышу. Когда утром я заглядываю в зеркало, мне кажется, что за последние часы я потерял не меньше литра крови.

Во время прогулки по любому городу я непрерывно сканирую прохожих в надежде встретить какого-нибудь местного самородка. За несколько дней в Баку я не встречаю ни одной родственной души – по центральным улицам дефилируют исключительно успешные бакинцы. Они дорого одеты и улыбаются белоснежными улыбками. От этих людей несет сытостью и валютно-денежными операциями. Как сказал один из лидеров местной оппозиции, которого я здесь повстречал: “Власть дает тебе заработать, только не лезь в нефть”.

На набережной меня останавливает невысокий парень лет тридцати. По чертам лица я сразу понимаю, что он иранец:

– *Hey, man! Have you been in Otto-bar yesterday?*¹³

– *Yep! My name is Roma,*¹⁴ – протягиваю ему руку.

– *I'm Yashar. You danced like crazy, man!*¹⁵

– *It was national Belorussian dance.*¹⁶

Так у нас с Женей еще на одну ночь появляется крыша над головой, а также стиральная машина, холодильник, автомобиль и гитара. У нашего нового знакомого свой бизнес в Азербайджане, а в свободное время он импровизирует на той самой гитаре и не оставляет надежды сколотить свой музыкальный бэнд. Вечер с Яшаром мы проводим за разговорами о дороге, музыке и смысле всего, что вертится вокруг. Яшар в теме. Кажется, что завтра он продаст свой “инфинити” и рванет в путь вместе с нами.

У входа в бистро в центре города со мной знакомится Салмаз, длинноногая девочка модельной внешности. Она также видела меня в *Otto* – мои ночные танцы кормят меня в очередной раз. Салмаз очень переживает, что мне негде ночевать, она обзванивает всех своих друзей, потратив на это больше часа, но результат нулевой.

Мы с Женей бродим по городу в поисках тихого места под палатку, и я случайно замечаю открытую квартиру в одном из домов. Там уже давным-давно никто не живет, мы закрываемся изнутри и отрубамся.

На следующий день нашего полку прибывает. Мы знакомимся с двумя французами, один из них путешествует на велосипеде, второй – пешком, и с двумя британцами, которые едут вокруг света на машине. Мы предлагаем ребятам отправиться ночевать в нашу квартиру. Понимаю, что такой командой нам будет сложно остаться незамеченными, поэтому сразу же обхожу всех соседей, которых только могу найти, чтобы спросить у них разрешения на ночевку. Все дают положительный ответ.

Сквот оживает – мы с Женей прокладываем электричество из соседней квартиры, Соху моет пол, Ральф идет за водой, соседи несут нам чай и еду. Настроение на подъеме. Пока ребята готовятся ко сну, я отправляюсь в *McDonald's*, чтобы выйти в интернет. Но не успеваю я даже включить ноут, как в ресторан вбегает англичанин и кричит, что в нашу квартиру вломилась полиция.

Срываюсь с места и бегу “домой”. В нашей компании я – дипломатическое лицо, потому что говорю по-русски и умею убеждать людей. Оказывается, что патрульных вызвал какой-то затаившийся сосед, который оказался не в курсе раскладов. Я долго пытаюсь договориться с офицерами, но они ведут себя как тупые бараны. Сосед, вызвавший стражей порядка, испуганно прячется за их спинами. Ситуация усугубляется еще и тем, что на столе в центре комнаты лежит газетный сверток с марихуаной. Но я об этом пока не знаю.

¹³ Эй, мужик! Ты был вчера в баре “Отто”? (англ.)

¹⁴ Ага! Меня зовут Рома. (англ.)

¹⁵ Я – Яшар. Ты танцевал как псих, мужик! (англ.)

¹⁶ Это был национальный белорусский танец. (англ.)

Однако спектакль близится к кульминации. И вот уже один из офицеров разворачивает газетку с каннабисом и старательно принохливается к содержимому. Я смотрю на него, на газету, потом на траву. Вспоминаю ребят, которые всей командой молниеносно выбежали из квартиры, а также нерациональный поступок Соху, который, видимо, под кумаром понес велосипед на третий этаж, вместо того чтобы спустить его вниз. И вдруг все становится на свои места.

– Что это такое? – спрашивает полицейский.

– Не видите, мы чай пили! Это пуэр! – говорю я первое, что приходит в голову. – Дайте мне поговорить с мужчиной, который вызвал полицию! Кажется, он нас неправильно понял. Мы обычные туристы, он не будет против нашего соседства.

– Надо было раньше говорить, – выкрикивает сосед из-за спины офицера, второй сотрудник тем временем продолжает ковыряться в “чае”.

– А ну-ка иди сюда! – сжимая кулаки, кричу я соседу. – Я подходил к тебе и спрашивал! Не стыдно тебе врать, а?!

Заметив мою агрессию, эксперт по чаям бросает перебирать “пуэр” и кидается успокаивать меня. Фу-у-ух, пронесло! Тем не менее наша вписка накрывается. Мы выходим на улицу, все расстроены, британцы вообще сбежали с перепугу.

В этот момент иранские ребята получают мейл от Неды, которая должна сегодня приехать в Баку, чтобы повидаться с ними. Неда – это та самая девочка, у которой я жил несколько дней в Тегеране. Соху и Самое отправляются на встречу с ней, Женя и французы тоже куда-то исчезают, и я неожиданно остаюсь абсолютно один. Долго не раздумывая, ставлю палатку в соседнем дворе. Начинается дождь.

Приблизительно в час ночи меня будит один из жильцов дома. Говорит, что здесь не бордель, и просит “свалить отсюда”, пока он “мать твою, полицию не вызывал”. Все как в дурном сне. Я собираю палатку и перебираюсь во двор напротив. Через несколько часов меня будит женщина:

– Идите в отель! Здесь нельзя спать! Я сейчас полицию вызову!

– Все-все-все! Извините, уйду!

Я переносу свою палатку в следующий двор. Утром меня снова будят. Какая-то тетка набрасывается на меня с поразительной яростью. Пытаюсь объяснить ей, что я путешественник, что еду вокруг света и ничего скверного не замышляю. Она обзывает меня аферистом и убегает звонить в участок. Спать мне больше не хочется.

Жутко болят плечи, на ногах ноют мозоли. Я мало ем и нерегулярно сплю. Мое тело отчаянно требует отдыха. Со стороны может показаться, что я пал духом, но на самом деле все не так. Конечно, мне не по душе подрываться среди ночи под матерные тирады, а затем под дождем шлепать прочь с палаткой в руках и двадцаткой кило за плечами. Но когда это случается, улыбка не сходит с моего лица. Такие эпизоды бывают только в кино. Выходит, моя жизнь и есть кино.

Ниже нуля

Я встречаю ребят на том же месте, где мы вчера случайно расстались. Мы решаем, что в силах за небольшие деньги снять комнату на всех сразу. Но на нашу табличку с просьбой об аренде реагируют только патрульные полицейские. Сначала они говорят, что “мы не имеем права здесь сидеть, потому что рядом находится дом президента”. Мы отказываемся уходить. Они еще долго пугают нас тем, что сейчас подгонят машину и отвезут всех в участок. Я объясняю им, что послы Беларуси, Ирана, Англии и Франции будут очень недовольны их работой. И Азербайджан останется без тракторов, газопровода в Турцию, нефтедобывающих станций, а Франция тоже что-то придумает. Патрульные вдруг меняют гнев на милость,

просят убрать табличку, а в случае каких-либо проблем обращаться к ним за помощью. Я тут же обрисовываю им нашу основную проблему – мы сегодня не ели. Полицейские покупают нам восемь кебабов и каждому по бутылочке колы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.